

«ОТКРОВЕНИЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ» ЮЛИАНЫ НОРИДЖСКОЙ КАК ПАМЯТНИК АНГЛИЙСКОЙ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIV в.

Статья посвящена произведению «Откровения Божественной любви» первой пишущей англичанки – Юлианы Нориджской. Это произведение относится к средневековой мистической литературе, описывающей личный опыт познания Бога через видения. Интерпретация видений занимает в книге Юлианы значительное место, и книга оценивается как один из лучших религиозных трактатов. Перевод этой книги на русский язык в 2010 г. был знаменательным событием – произошло знакомство отечественного читателя с произведением, написанным женщиной в Средние века.

Ключевые слова: Юлиана; средневековая мистическая литература; видения; религиозный трактат; распятие; познание Бога; откровение.

В истории Англии XIV столетие традиционно выделяется как век, представляющий важнейший этап в процессе формирования национальной литературы и культуры. Именно в этот период происходит становление английской литературы, в которой важное место занимает мистическая проза. Между тем изучению этого направления до настоящего времени, особенно в отечественной науке, внимания почти не уделялось и тексты английских мистиков не публиковались. Перевод «Откровений Божественной любви» Юлианы Нориджской, появившийся сравнительно недавно [1], стал своего рода «первой ласточкой», представляющей круг английских мистиков указанного периода. Заметим, что, кроме Юлианы, в этот круг входят Ричард Роль из Гемпола (Ricard Rolle of Hampole, 1300?–1349), Вальтер Хилтон (Walter Hilton, ?–1395), неизвестный автор сочинения «Облако неведомого» (The Cloud of Unknowing, 1370?) и др. За Юлианой Нориджской (Julian of Norwich, 1342–1419?), благодаря ее «Откровениям» («Revelations of Divine Love»), кроме того, закреплено звание первой англичанки-писательницы. Случайно ли вступление женщины в литературу произошло в Англии именно в этот период и в русле духовной прозы?

Прежде всего, следует заметить, что в Западной Европе подобная тенденция проявилась раньше. Так, к примеру, особой известностью в XIII в. пользовались создательницы мистических сочинений Катарина из Сьены и Бригита Шведская (Catherine of Siena, Bridget of Sweden). Таким образом, у Юлианы Нориджской были свои предшественницы на континенте, как будут затем и свои последовательницы (Leonora Lopez de Cordoba, Magdalena Beutler и др.), в том числе в Англии (Margery Kemp и др.). И это включение женщины в область религиозных исканий времени представляется явлением симптоматичным и важным. В нем нашла отражение общая тенденция к реабилитации женщины, заявившая о себе в эпоху зрелого Средневековья, реабилитация не столько ее земной природы, сколько нравственных, духовных возможностей.

В свое время В. Вулф в эссе «Своя комната» с горечью замечала, что, к сожалению, о женщинах, пишущих в Англии до XVIII в., известно крайне мало: слишком неподходящими были социальные условия для творчества (отсутствие у женщины финансовой независимости, достаточного досуга, возможности уединения, «своей комнаты» и т.д.). В. Вулф пыталась представить возможную участь, к примеру, пишущей

«сестры» Шекспира, убедительно воссоздавая гипотетическую модель судьбы трагической. Будучи уверенной, тем не менее, что феномен женского творчества существовал в ранней английской литературе, В. Вулф склонна была усматривать его следы в анонимном творчестве баллад и песен, особенно колыбельных. Она была убеждена, что как во Франции, так и в Англии женщины-поэты появились раньше прозаиков. Возникновение же прозаической женской литературы В. Вулф была склонна относить к началу XIX в., так как «единственным литературным коньком женщины в начале XIX в. было наблюдение характеров, анализирование чувств» [2. С. 192]. Хотя В. Вулф специально работала над темой истории женского творчества в университетских библиотеках и Британском музее, она в своем эссе 1928 г., к сожалению, еще не открыла для себя имен, которые нас интересуют.

Между тем есть своя закономерность в том, что отмеченные выше женщины-авторы и их произведения примыкают к кругу духовной литературы. В. Вулф, обоснованно рассуждавшая о неизбежности трагической судьбы женщины, которая бы в старые времена пожелала взяться за перо, упустила из виду сферу монастырской и отшельнической жизни. Здесь у женщины был и кусок хлеба, и «своя комната», и время для размышлений и писаний. И если сочинения эти носили религиозно-дидактический характер, то это было в известной степени защитой для автора, даже если им была женщина. В период XII–XV вв. отшельническое движение неудержимо развивалось, в том числе и женское. В связи с этим начала появляться и соответствующая религиозно-дидактическая литература, в том числе о духовном призвании для женщин. Так, в английской традиции XIII в. известность приобрели «Правила для отшельниц» («Ancrene Riwe»), содержащие наставления для женщин, которые пожелают выбрать уединение и духовное призвание.

Показательно, что мистическое учение, утверждающее право каждой души на самостоятельный, индивидуальный диалог с Богом, не только не исключало из него женщину, но даже, как это особенно проявилось, к примеру, в сочинениях Р. Ролля и др., невольно отметило ее особую к тому предрасположенность и одаренность. Так, примечательно в этом отношении сочинение немецкого мистика XIV в. Мейстера Экхарта о его духовной дочери, сестре Катрей. Молодая женщина поражала Экхарта непреклонностью своих духовных

стремлений, способностью к поразительному самоограничению так, что он даже пытался остановить ее рвение к страданию: «Чего хочешь ты еще? Ты уже оставила почет и богатство, друзей, толпу и всякое утешение, преходящее от творения...» [3. С. 32]. Однако, встретив сестру Катрей через много лет, он находит в ней подвижницу большой духовной зрелости, внутренней силы и сам испрашивает у нее совета и благословения: «Слава Богу, что он создал тебя человеком! Ты указала мне путь к моему вечному блаженству, я пришел к созерцанию Бога, и мне даровалось действительное знание всего того, о чем я слышал сперва из твоих уст. О, милая дочь, ради той любви, что имеешь ты от Бога, я прошу тебя, помоги мне словом и делом, чтобы утвердиться мне там, где я теперь» [3. С. 32].

Послушнице Маргарет Керкеби также посвятил целый ряд своих произведений Р. Ролль, веря в ее способности к духовному призванию и желая помочь ей на этом пути. Надо заметить, что такое произведение Р. Ролля, как «Образ совершенной жизни» / «Form of Living», было особенно популярно среди женщин-монахинь. Их привлекали мягкая доброта Ролля, его стремление обнадежить и приободрить адресата, волнующий лиризм повествования. Как свидетельствует созданное позднее монахинями монастыря в Гемполе «Житие Ролля», для них, его читателей, было важно, что при описании мистического пути к единению с Богом Ролль старался сосредоточить внимание не на страданиях и трудностях этого пути, а на радостях единения с Богом. Монахини монастыря близ Гемполя, где жил отшельником Ролль, почитали его святым. «Житие Ролля» является убедительным свидетельством того, как женщины постепенно включались в русло религиозной литературы, опираясь на духовный опыт мужей-мистиков.

Что касается Юлианы Нориджской, то о ней известно немного, в основном то, что она сообщила о себе сама. Она родилась и жила в Норидже (Восточная Англия), который был в то время одним из крупных городов Англии. В начале мая 1373 г. она тяжело заболела. Когда ближними она была признана безнадежной больной, они призвали священника, который поднес к ее лицу распятие. Больная была потрясена видом распятия. В то время как окружающие видели ее без чувств, перед ней ожило распятие, и Бог явил ей свои видения. Позже Юлиана, удостоившаяся видения божественных истин, выздоровела и стала вести жизнь отшельницы при местной церкви св. Юлиана. Есть точка зрения, что имя затворницы первоначально могло быть другим, но она выбрала Julian по имени святого, которому была посвящена церковь: «Юлиана в данном случае было именем, принятым вместе с обетом отшельничества, на что указывает мужская форма имени Julian, а не Juliana» [4. С. 24]. Годы отшельничества были годами размышления над своим визионерским опытом, и Юлиана пришла к важному осознанию значимости открытых ей истин для всех. Руководствуясь этим пониманием, Юлиана создает две редакции своей книги, краткую и пространную. Уже при жизни отшельница была почитаема. В начале XV в. мы не раз встречаем упоминание ее как св. Юлианы. О почтительном отношении к Юлиане свидетельствует и це-

лый ряд завещаний, в которых знатные горожане оставляли ей определенные суммы. Значительный интерес представляет также рассказ ее младшей современницы и последовательницы Марджери Кемп из Линна, которая в 1413 г. отправилась в Норидж, чтобы повидать святую женщину, побеседовать с ней и была вполне удовлетворена состоявшейся встречей.

Была ли Юлиана образована и сама создавала текст или он записывался под диктовку, точно не известно. О себе она скромно говорит как о женщине неграмотной, но такое упоминание могло быть традиционным приемом самоуменьшения, присущего многим средневековым авторам, или же указанием на то, что она не владела латынью. Сочинение Юлианы, как и большинства английских мистиков, написано на народном языке. Показательно, однако, что текст «Откровений» наполнен многочисленными реминисценциями и цитатами из Библии и сочинений духовного характера. Так, к примеру, иезуиты, изучавшие книгу Юлианы, обнаружили в ней сотни ссылок на библейские тексты.

В духовном «обращении», как признается Юлиана, у нее была внутренняя потребность и до тяжелой болезни. Вид распятия всегда вызывал у нее острые переживания, и она много размышляла о Страстях Господних, ожидая откровения Божественных истин как Божьего дара, многократно испрашиваемого в молитвах. Она молила также о болезни и страдании, полагая такое состояние более надежным и неизбежным путем приобщения к Божеству. Таким образом, чувство духовного призвания было выстрадано Юлианой и не случайно нашло впоследствии свое подтверждение в пережитых «видениях» – встречах с Христом, Богородицей, святыми. Создание книги женщины считала своим долгом перед Богом, ее избравшим, а также перед людьми, которых на основе собственного опыта она надеялась приобщить к истинным путям богопознания: «...я хочу, чтобы о Боге знали и чтобы мои братья получили помощь (так же, как и я), дабы они сильнее ненавидели грех и любили Бога. Из-за того, что я женщина, разве должна я считать, что мне не следует рассказывать вам о благодати Божьей, ведь я в то же самое время видела, что на то Его воля, чтобы о нем знали» [1. С. 471].

Несмотря на скудость биографических сведений в обеих редакциях «Откровений», мы ощущаем индивидуальность автора. В отличие от других книг мистического содержания, созданных женщинами, Юлиана не сосредоточена на описании экзальтированного, экстатического состояния, не насыщает свою книгу образами так называемого «религиозного эротизма» в духе «Песни Песней». Очевидно, что Юлиана – натура более спокойная, рассудительная, склонная к аналитическому мышлению. Повествование Юлианы – цельное и стройное, она сосредоточена исключительно на переживании истин веры и их осмыслении. «Revelations» представляют собой своеобразный цикл описанных видений и комментариев к ним.

Центральный образ первых видений – истерзанная терниями, обильно кровоточащая голова и распятое тело Христа. Этот образ предстал перед Юлианой, как она сообщает, через «телесное видение», представляющее Спасителя в пространстве и времени. В этом об-

разе акцентирована, прежде всего, обильность пролитой святой крови: «Столь обильно вытекала горячая кровь, что не было видно ни кожи, ни раны, но будто бы все было одной кровью» [1. С. 121]. Эта обильность мотивирована тем, скольких страждущих эта кровь должна омыть от греха: «Драгоценное обилие Его честной крови наводняет всю землю и готово омыть всю тварь от греха, все создания доброй воли которые есть, были и будут» [Там же. С. 123].

В то же время «телесность» видений Юлианы отличается пластичностью, динамикой визуальных образов, прежде всего, меняющегося лица и тела Спасителя. Вместе с тем показательно, что картина Распятия не заканчивается оплакиванием Христа или его положением во гроб. По мере того как последние жизненные силы, казалось, окончательно покинули тело и оно омертвело, лицо Христа вдруг оживает и принимает радостное, счастливое выражение, которое он настойчиво стремится передать Юлиане, освободить ее от тягостных ощущений после увиденного. «Если ты рада, то и Я рад; для меня радость, блаженство, бесконечная улада, что Я вообще страдал за тебя, и, если бы Я мог, Я хотел бы страдать больше» [Там же. С. 155], – уверяет ее Христос.

«Откровения...» Юлианы нередко называют «терапевтической книгой» и автора относят к представителям так называемого оптимистического богословия. Действительно, в намерение автора «Откровений...» не входит внушить читателю чувства страха и трепета перед Божеством, но, напротив, чувства надежды, любви, доверия к Высшим Силам. Картины Страстей сменяются «духовными видениями» героини, в которых исчезает все болезненное, тягостное. В отличие от авторов многочисленных «Видений», мы не найдем у Юлианы ни картин Страшного суда, ни изображения адских мук. Излагая свои «свидетельства», она стремится убедить читателя в мощи и благодати Святой Троицы: «На то Божья воля, чтобы из всех свойств благословенной Троицы мы более всего уповали на радость и любовь; потому его Любовь делает Мощь и Мудрость кроткими и ласковыми по отношению к нам» [Там же. С. 541]. Все ипостаси Троицы действуют в согласии и заодно, что упрочивает основание мира.

Один из лейтмотивов «Откровения...» – идея тринитарности. Однако и ее утверждение у Юлианы тяготеет к визуализации. Так, к примеру, размышление о единстве Троицы Юлиана выражает следующей картиной Распятия: основание креста, на котором распят Сын, поддерживает Бог-Отец, а Святой Дух летает над головой Спасителя. Позднее, после распятия, Юлиана располагает Троицу на трех уровнях неба, но их отношения не иерархичны, а созвучны в радении о человечестве: «Я вижу три неба, и все в благословенном человечестве Христа; и нет из них большего, нет меньшего, нет высшего, нет низшего, но все равны в блаженстве» [Там же. С. 491]. Блаженство святой Троицы Христос уточняет в высказывании, обращенном к Юлиане и включающем следующую триаду: радость, слава и бесконечная улада. Юлиана, со своей стороны, предлагает такое понимание этой триады: «...под радостью я поняла удовольствие Отца, под блаженством – славу Сына, под бес-

конечной усладой – Святого Духа. Отец доволен, Сын прославлен, Святой Дух удовлетворен» [1. С. 493].

Символика Троицы и принцип триады организуют все повествование Юлианы: трех даров испрашивала она у Бога, трижды Бог показал ей образ своей матери и всегда разный, тремя способами общается Бог с Юлианой и т.д. Что же касается упомянутых трех способов «богообщения», то под ними автор «Откровений...» понимает «телесное видение» («be the bodily sight»), вербальное общение («be worde formed in myn undyrstandinge»), духовное видение («be... begastelye sight»). Относительно видений телесных и вербальных Юлиана выражает уверенность, что передала их достаточно точно. Что же касается видения духовного, то автор «Откровений...» замечает, что «рассказала кое-что, но мне никогда не описать его полностью» [Там же. С. 537].

Другая важная тема «Откровений...» – тема Творения, истолкованная и представленная Юлианой своеобразно. Так, смыслом творения в изображении Юлианы были радение Бога о созданном мире, забота о нем и любовь к нему. Выразителен по своей «телесной» пластике образ, возникающий у Юлианы в ходе размышления о сущности Творения. Ее взору предстает Бог с таинственным предметом в ладони, по форме и фактуре напоминающим лесной орех. В истолковании Бога этот «домашний образ» выступает символом отношений Творца и сотворенного мира. Бог сотворил его, Бог любит его, Бог бережно хранит его в своих ладонях. Этот эпизод в «Откровениях...» Юлианы, по признанию многих читателей, один из самых запоминающихся и значимых. Всей совокупностью образов и ситуаций Юлиана формирует концепцию интимной, «домашней» любви Бога: «our Lord shewed to me a Chostly sight of his homely loveing» [Там же. С. 84]. Можно сказать, что сочетание в книге Юлианы образов масштабных, универсальных и камерных, «одомашненных», составляет впечатляющую особенность «Откровений...».

«Одомашненность» отличает и образ Христа, проявляясь, в частности, в настойчиво трактуемой в «Откровениях...» теме «материнства» Христа, его сближения с Марией: «...она, будучи матерью нашего Спасителя, – мать всех, кто Им спасется. И наш Спаситель также есть наша истинная мать, которая всегда носит нас в себе и из которой мы никогда не выйдем» [Там же. С. 323]. Развивая свою мысль, Юлиана выстраивает целый ряд следующих уподоблений: подобно тому как мать дает своему дитя молоко, Бог дает свое причастие прихожанину, подобно тому как мать спешит помочь упавшему ребенку, Бог помогает человеку подняться после падения, Он утешает, врачует, прощает человека как свое дитя и т.д. Величественности и неземной славы лишен в «Откровениях...» и образ Марии. Трижды показывает Христос Юлиане свою мать, и при первом видении духовидица поражена, увидев перед собой Богородицу в телесном воплощении как «кроткую и простую девушку, юную, с внешностью едва ли не подростка – такой, какой она была, когда зачала» («a simple mayde, young of age and little waxen above a child, in the stature that she was wan she conceived with child») [Там же. С. 83]. Подчеркивается в юной Богородице

также особое благоговение перед сыном, который «восхотел родиться от нее, простого создания Его же собственного творения» [1. С. 83]. Во втором видении Мария безмерно страдает, более, чем все присутствующие при распятии, поскольку «наибольшая боль – это видеть, как твоя любовь страдает» [Там же. С. 143]. Лишь по мере того как меняется лик Христа, пережившего свое распятие, облегчение и радость преображают и лицо Богородицы, в конечном счете разделяющей Его Славу.

«Материнство» Христа сохраняется и при воплощении одной из самых волнующих Юлиану тем в ходе ее «бесед» с Христом – темы греха и грешного человечества. Надо заметить, что Юлиана не довольствуется пассивно лишь тем, что ей предлагается в процессе богообщения. Она просит разъяснить непонятные образы и детали, задает встречные вопросы, как личного характера, так и касающиеся всех людей. Из ее вопросов понятно, что грех видится ей едва ли не главным препятствием к единению человека с Божеством, источником людских сомнений и страхов. Однако Христос в своих ответах проявляет «материнскую» снисходительность: как может он не простить свое заблудшее дитя, если дитя раскаивается. Даже большому грешнику обещано прощение и освобождение от греха, ибо именно эту способность и силу обрел Бог ценой пережитых Страстей.

«Материнство» проявляет себя и в изображении отношений Бога-Отца и Сына. Это видно, к примеру, в одном из наиболее сложно трактуемых эпизодов «Откровений...», когда Бог предлагает Юлиане притчу о Хозяине и Слуге. Эта притча развивается в двух видениях. В первом Господин, который «торжественно сидит в мире», глядя на своего слугу «с любовью и ласково», посылает его в некое место исполнить его волю. Слуга «в великой спешке» торопится выполнить возложенное на него задание, при этом падает, получает повреждения, жестоко страдает. Господин наблюдает страдания Слуги «с великим сожалением и жалостью» и намеревается вознаградить Слугу за страдания «великой благодатью». Юлиана признается, что многие годы размышляла над этим видением, принимая во внимание позу Господина (сидит на земле), цвет и форму его одежды (синие, складчатые), внутреннюю благость его облика. У нее не возникало сомнений, что Господин – это Бог, расположившийся на земле, чтобы быть ближе к человечеству. Что же касается Слуги, то Юлиане представлялось, что это, скорее всего, Адам как воплощение человека и сцена изображала его падение. Но почему нет ни Евы, ни Древа познания?.. И почему Бог собирается вознаградить Слугу за падение? У Юлианы возникало немало вопросов.

Долгие раздумья, усиленные последующим «духовным видением», привели в итоге автора «Откровений...» к пониманию, что в образе Слуги был представлен Бог-Сын, второе лицо Троицы. Но в то же время своим человеческим воплощением и Страстями Сын неразрывно связан с Адамом. Не случайно в «телесном видении» Слуга облачен в полинялую, старую короткую рубашку, «Адамову рубашку человека-работника». Важно, однако, что своим страданием Бог-Сын очистил Адама от вины и спас его от ада и что это было изна-

чально Божьим замыслом. «Господь явил Своего собственного сына и Адама как одного человека. Добродетель и доброта, которые есть в нас, – это от Иисуса Христа, а слабость и слепота – это от Адама» [1. С. 281], – рассуждает Юлиана. Притча о Господине и Слуге явлена Юлиане в ответ на ее настойчивые вопросы о грехе и его искуплении. Наглядный пример, представленный в притче, должен был, как поняла это духовидица, укрепить ее и других через нее в вере, что Бог в своем мироустройстве предусмотрел спасение и освобождение человека от греха.

В мироустройство Бога Юлиана включает и Святую Церковь, которую Бог как заботливый отец и мать дал человеку как ближайшую опору для покаяния, утешения, укрепления в вере. Святая Церковь часто упоминается Юлианой на страницах ее «Откровений Божественной любви». Надо заметить, что у мистиков не всегда так благостно складывались отношения с официальной церковью, поскольку пафосом их сочинений был призыв к установлению непосредственного контакта с Божеством. И, по сути, сам расцвет мистицизма в эпоху зрелого Средневековья был своего рода реакцией на осознание пороков церкви. Что касается Юлианы, то она, как видим, не противопоставляет «индивидуальный диалог» с Богом и поддерживающую руку Церкви, призывая «объединиться и искать поддержки у нашей Матери, Святой Церкви, то есть у Христа Иисуса» [Там же. С. 345]. В сочинении Юлианы мы не найдем ничего компрометирующего церковь, что, в свою очередь, по-видимому, обеспечило отшельнице благоприятные отношения с официальными церковными кругами, в противоположность, к примеру, участи ее последовательницы Марджери Кемп из Линна, поволившей себе антицерковные выпады и пережившей преследования, арест, допросы.

Тему «материнства» Бога, настойчиво акцентируемую в сочинении Юлианы Нориджской, нередко объясняют тем, что автор «Откровений...» – женщина. Справедливости ради надо заметить, что подобная трактовка встречалась и у авторов-мужчин задолго до Юлианы, например, у ранних христианских авторов Амвросия Медиоланского, Аврелия Августина (IV в.). В то же время следует признать, что в повествовании Юлианы заметно проявилась специфика женского творчества: в отборе материала, взгляде на него, общей тональности произведения, характере художественных средств и т.д.

Другие представители английской мистической прозы, творившие в один период с Юлианой, упомянутые в начале статьи Р. Ролль, В. Хилтон, автор анонимного «Облака неведомого», создавали свои мистические сочинения под большим влиянием трудов Псевдо-Дионисия Ареопагита (VI в.) и заметно тяготели к философичности и экзегетике. Авторы много рассуждали о деятельной и созерцательной жизни, споре души и тела, борьбе божественных и дьявольских сил, путях и градациях духовного совершенства, преимущественных формах богопознания.

Юлиана в духе своих собратьев по мистическому опыту также немало рассуждает на религиозно-философские и доктринальные темы, ставит проблемы универсального значения. Но при этом в ее повествовании заметно проявляется стремление к ясности, нагляд-

ности суждений, выразительности и эмоциональной силе образов. Так, к примеру, в ее повествование даже при описании Страстей могут вторгаться образы бытовой, житейской сферы. Описывая капли крови, стекающие из-под тернового венца, Юлиана сравнивает их по форме с округлыми бусинами, мелкими икринками сельди, а обильно текущую из ран Христа кровь – с потоками дождя, стекающими с карнизов. В то же время подобная образность не разрушает драматической тональности повествования. Картина Распятия воссоздается Юлианой с большой силой душевного сопереживания. Взыгранная, лирическая интонация оказывается преобладающей. Показательно в сценах Распятия и то, что автор «Откровений...» представляет рельеф местности, характер погоды в тот страшный день и себя среди очевидцев сакрального события рядом с Марией.

Телесная наглядность отличает не только образ распятого Христа, но и созданный Юлианой образ дьявола, который якобы являлся искушать ее. Борьба божественных и дьявольских сил за душу человека – традиционный для мистических сочинений мотив. Демон ада является, наполнив пространство вокруг героини жаром и вонью, хватая ее за горло. Она видит его совсем близко: «Цвет был красным, как черепица, когда ее только что обожгли, с черными пятнами на нем, подобными черным веснушкам, грязнее, чем сама поверхность черепицы. Его волосы были красными... обрезанные спереди, с боковыми прядями, свисающими у висков...» [1. С. 369].

Обращает на себя внимание также тот факт, что многие сравнения, ассоциации, которые возникают в сознании духовидицы и получают воплощение в тексте «Откровений...», являются отражением опыта женской жизни. Так, Юлиана охотно рассуждает об обязанностях матери, прочности и надежности связи матери и ребенка. Само распятие и муки Спасителя она связывает с родовыми муками: «Он мучился родами до исполнения времени тем, что пожелал испытывать острейшие муки и жесточайшие боли, которые когда-либо были или будут... Он тем самым родил нас в блаженство...» [1. С. 335].

С молоком матери связывает Юлиана пищу святого Причастия. Человеку Юлиана советует поступать, как ребенку, доверяющему матери и в радости и в печали. Вот какова одна из предлагаемых ею молитв к Богу: «My kind Moder, My Gracious Moder, my dereworthy Moder have mercy on me, I have made my selfe foul and onlike to the, and I ne may ne can amenden it, but with prive helpe and grace» («Моя добрая Мама, моя милостивая Мама, моя драгоценная Мама, пожалей меня. Я испачкался и сделал себя неподобным тебе, и я не могу и не умею исправить это, разве только с твоей помощью и благодатью» [Там же. С. 342–343].

Показательно также, что, описывая человеческую душу, покидающую грешное тело, Юлиана, в свою очередь, представляет ее в облике грациозного, подвижного младенца, обнаруживая тем самым природу женщины, которая не раз следила с трогательной нежностью за движениями резвого ребенка: «...и внезапно из этого тела выпрыгнуло совершенно прекрасное создание, маленький ребенок, полностью сформированный и оформившийся, подвижный и живой, более

ликий, который быстро заскользил вверх на Небеса» [Там же. С. 357].

Замечу, что настойчиво трактуемая в «Откровениях...» тема материнства Бога склонила ряд исследователей текста к предположению о том, что Юлиана могла иметь материнский опыт, т.е. иметь детей. Однако это предположение так и не нашло документальных подтверждений и общего признания.

Высказывались и возражения. Например, переводчица текста на русский язык Юлиана Дресвина, не поддерживающая версии о материнстве Юлианы Нориджской, обращает внимание исследователей на то, что духовидица «описывает материнство Бога с точки зрения ребенка» [4. С. 24].

В своих «Откровениях Божественной любви» Юлиана описывает шестнадцать видений, которых она была удостоена по Божьей воле. В ходе их последовательного изложения (в одной версии Юлиана делает это более подробно, во второй – более кратко, но противоречий между обеими версиями нет) интересно, как меняется образ повествователя-визионерки. Мы наблюдаем постепенный рост героини. Вначале перед нами горячая, импульсивная натура, не без самонадеянности призывающая к себе великое страдание, но с приходом его готовая молить Бога об обратном. Она много говорит о себе и рискует обращаться к Богу с «личными просьбами» и «неудобными вопросами» («Почему начало греха не было пресечено?» [1. С. 171] и др.). Но чем дальше, тем больше героиню волнуют вопросы неличностного характера и высказываются суждения, имеющие универсальное значение, вводится обращение к потенциальному читателю и т.д. В итоге в характере суждений Юлианы прослеживается обретенные героиней цельность, душевный покой. Тревога и мучащие вопросы ушли – в этом и смысл «обращения», которое является итогом полученных откровений. Вера героини обрела новое, органичное качество полного доверия Божеству, радостную уверенность в настоящем и грядущем: «Но все будет хорошо, и все, что бы то ни было, будет хорошо» [Там же. С. 499]. Именно эта настойчивая фраза, на разные лады повторяемая автором «Откровений...», и обеспечила Юлиане Нориджской репутацию «оптимистического теолога», а также, в немалой степени, читательскую благосклонность к книге, так проникновенно несущей утешение человеку, утешение, в котором он во все времена нуждается.

«Откровения Божественной любви» получили известность при жизни автора. До нас дошло восемь рукописей, содержащих текст «Откровений...» Юлианы. В период Реформации признания убежденной католички не могли иметь широкого распространения. Тем не менее в 1670 г. было осуществлено первое печатное издание, озаглавленное следующим образом: «XVI Откровений Божественной любви, Явленных Верной Слуге нашего Господа, именуемой Мать Юлиана, Затворница Нориджа, которая жила в Дни Короля Эдуарда Третьего, опубликованы Р.Ф.С. Кресси». После продолжительного перерыва в XIX в. и в начале XX в. последовало несколько изданий книги Юлианы. И только во второй половине XX – начале XXI в. произошло широкое распространение текста, а

сама создательница была включена в круг святых, почитаемых англиканской церковью. Заметим, что интерес широкой публики к «Откровениям...» был в значительной мере вызван отношением к ним Т.С. Элиота, высоко их ценившего. Книга Юлианы была также переведена на многие европейские языки, а также на ряд восточных (японский и корейский). В 2010 г. вышел перевод «Откровений...» на русский язык. В предисловии к русскому изданию архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс представляет

книгу как «одно из величайших сокровищ христианской литературы, созданной на английском языке» [5. С. 9].

В настоящее время текст «Откровений...», созданных Юлианой, включен в программу изучения на многих гуманитарных факультетах Запада, рассматривается в контексте формирующей английской прозы, где Юлиане было суждено заложить основы женской повествовательной традиции, которой так богата оказалась впоследствии английская литература.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Юлиана Нориджская*. Откровения Божественной любви / пер. Ю. Дресвиной. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
2. *Вулф В.* Своя комната // Эти загадочные англичанки. М., 1992.
3. *Мейстер Экхарт*. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991.
4. *Дресвина Ю.* «Откровения Божественной любви» Юлианы Нориджской // Юлиана Нориджская. Откровения Божественной любви. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
5. *Роуэн Уильямс*. Предисловия к первому русскому переводу Юлианы Нориджской // Юлиана Нориджская. Откровения Божественной любви. М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 апреля 2013 г.